

- 4 *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Филологический анализ текста. — М.: Акад. проспект, 2004. — 397 с.
- 5 *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 50.
- 6 *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. Серия: Психологи отечества. — М.-Воронеж, 2001. — С. 170.
- 7 *Карты ума // MindManager / Авт.-сост. В.И.Копыл.* — Минск: Харвест, 2007. — 64 с.
- 8 *Бьюзен Т. и Б.* Супермышление. — Минск: Попурри, 2008. — 304 с.
- 9 *Екшембеева Л.В.* Когнитивное картирование лингвистического знания. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2009. — 133 с.
- 10 *Солсо Р.* Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 465 с.
- 11 *Херадштейн Д., Нарвесен У.* Психологические ограничения на принятие решения (обсуждение когнитивных подходов: операционный код и когнитивная карта) // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 381–407.
- 12 *Почепцов Г.* Теория и практика коммуникации // [ЭР]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Pochep/04.php

Л.В.Екшембеева

Оқу үдерісіндегі картаға түсіру

Мақалада колданысы оқыту үдерісінде алған білімді сапалы менгеруді қамтамасыз ететін денотативті, ассоциативті және когнитивті картаға түсіру технологиялары сипатталды.

L.V.Ekshembееva

Mapping in teaching process

The article describes technologies of the denotative, associative and cognitive mapping, practice of which provides qualified knowledge acquisition in the process of teaching.

УДК 81–26

Л.Ю.Мирзоева

Университет им. Сулеймана Демиреля, Алматы (E-mail: mirzoeva@list.ru)

Эмотивное согласование как показатель многоуровневости оценочной системы

Статья посвящена одному из наиболее сложных явлений в сфере лингвистической оценки, в частности, эмоциональной координации. По сравнению с грамматической координацией, связанной со взаимозависимостью предмета (объект) и признака, эмоциональная координация основана на подобии положительного или отрицательного оценочного значения. Разные подходы к эмоциональной координации также рассмотрены с опорой на современные теории и предыдущие исследования, сделанные российскими учеными в XIX столетии. Главная идея состоит в том, что эмоциональную координацию нужно рассматривать как один из самых важных прагматических факторов, формирующих эмоциональную ориентацию целого текста.

Ключевые слова: эмоциональное согласование, лингвистическая оценка, эмоциональная координация, аксиологическая ориентация, норма, прагматический фактор, эмоциональная ориентация текста.

Термин «эмоциональное согласование» (в дальнейшем преобразованный в «эмотивное») был введен в лингвистику А.А.Потебней, который квалифицировал это явление как «согласование в представлении», затрагивающее как форму, так и значение: «... настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи, распространяется в той или другой форме на ее качества, качества ее действия и другие представления» [1]. В рамках более общего процесса эволюции категории оценки представля-

ется необходимым проследить трансформацию эмотивного согласования: от локализованного оценочного приема, каким оно представляется в корпусе текстов XVII в., до средства, формирующего единство оценочного знака в пределах сложного целого или текста на последующих «срезах». Приведенному выше замечанию А.А.Потебни, в котором оценка рассматривается как основа, или, скорее, даже как мотив, основание для грамматического уподобления, предшествовала характеристика явления, представленная в «Пространной русской грамматике» Н.И.Греча: «... правило требует, чтоб к уменьшительному существительному присоединяемо было и прилагательное уменьшительное, например: *добренький старичок, маленькая девочка, полненькое личико, красненькие башмачки*» [2; 201]. Однако и при столь отчетливо выраженной ориентации на формальную сторону явления невозможно было не отметить лежащее в основе подобного сочетания единство оценочного знака: «Сии уменьшительные прилагательные не означают недостатка или уменьшения качества, а употребляются только для смягчения речи, как и уменьшительные существительные приветственные» [2; 201].

В противовес чисто грамматическому истолкованию данного явления И.Мандельштам отмечал: «... не вполне можно согласиться с Потебней, который усматривает некоторое сходство между согласованием (существительного и прилагательного) в роде и согласованием в степени уменьшительности между прилагательным и существительным, а несогласованность уподобляет несогласуемости последних. Тогда только возможна была бы параллель, если бы уменьшительные прилагательные превратились бы в обычную формулу, в общее место, или если бы не было случаев, когда уменьшение выражается в названии признака, а не в самом имени: *конь вороненький*» [3; 340]. В то же время И.Мандельштам подчеркивал, что согласование, имеющее место в данном случае, иного порядка, нежели формально-грамматическая связь между атрибутивом и определяемым словом: «Не согласование формальное перед нами, если песня говорит *дочечка Марусенька, сынонька Ивашенька*, а выражение чувства — в зависимости от связи с целым, от потребности проявления чувства» [3; 340]. А.А.Шахматов также акцентирует внимание на специфичности эмотивного согласования, связывая это явление с синтаксической природой средств выражения оценки: «...как отмечено А.А.Потебней, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, добренькая старушка...*; таким образом эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает и на их синтаксическую природу» [4]. Приводимые же далее примеры (*мы имеем в виду «Синтаксис русского языка А.А.Шахматова. — М.Л.*) демонстрируют расширенное понимание эмоционального согласования, во многом предопределившее современное; это не просто формальная корреляция определяемого и определения, а единство оценочного знака в пределах текстового отрезка: «Мне на *спорищу-женищу* купить *добрую плетищу*, нахлестать ее *спинищу*», «Ты и не напаялишь его на свои *окаянные плечища*», «Винница-то что *выдули*». Акцентируем внимание на том, что в приведенных выше случаях налицо пейоративная тональность фрагмента в целом, вне зависимости от количественного значения, которое (как это видно из последнего контекста в особенности) практически выведено на периферию в процессе восприятия: реципиент отчетливо воспринимает индуцируемую данной формой негативную оценку и не склонен принимать в расчет какое-либо понятие о величине.

В работе И.А.Карабань ставится вопрос о правомерности сопоставления эмотивного и формального согласования: «Правомерно ли отождествлять согласование прилагательного в роде, числе и падеже с так называемым эмоциональным согласованием? Грамматические формы рода, числа и падежа прилагательных не имеют самостоятельного значения, они полностью зависят от форм существительных. Формы, в которых выступают прилагательные, указывают только на связь, на отнесенность прилагательного к определенному существительному, т.е. они являются синтаксическими показателями. Этого же нельзя сказать по отношению к эмоционально-оценочным формам прилагательных. Мнение, что эмоционально-оценочные формы прилагательных являются показателями синтаксической связи с именами существительными, также не является обоснованным. Прилагательные при существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами далеко не всегда выступают в эмоционально-оценочной форме» [5; 212]. Первичной в данном случае считается корреляция оценочных значений, а не согласование форм: «Если существительное дано нам в эмоциональной форме, если оно само выражает определенное чувство, то прилагательные при нем и характером своего лексического значения, и эмоциональным оттенком также участвуют в выявлении и передаче эмоционального состояния, возникшего у говорящего из того или другого отношения к предмету или лицу. При эмоциональной согласованности прилагательного с существительным обнаруживается большая яр-

кость, большая сила эмоционального тона, сопровождающего высказывание» [5; 212]. Эта же мысль проводится исследователем и далее: «Довольно часто прилагательные на *-еньк-* сочетаются с уменьшительно-ласкательными и ласкательными именами существительными, что говорит о функциональной близости форм одной и другой части речи. В этом случае мы встречаемся с явлением так называемого эмоционального согласования. Факты показывают, что суффикс *-еньк-* (*-оньк-*) присоединяется к основе прилагательного не в результате его формального приспособления к существительному. Общность форм у прилагательного и существительного обнаруживается и обуславливается главным образом характером проявления чувств у говорящего...» [5; 225].

В работе В.В.Виноградова «Русский язык» говорится о первичности согласования по форме: «...формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например, *маленький домик, седенький старичок* и т.п.)» Но, утверждая приоритет формального согласования, В.В.Виноградов делает замечание о производимом данным явлением экспрессивном эффекте: «Относясь к имени существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним (ср.: *голубое платье — голубенькое платьице, веселый день — веселенький денек*). В таком словосочетании эти формы лишь обостряют и усиливают эмоциональную окраску определяемого предмета» [6].

Аналогичный подход к данному явлению имеет место и в работах А.Н.Кожина, где формальное согласование рассматривается как основа для формирования единства оценочного знака; в качестве первичного яруса, по его мнению, выступает согласованность форм, на которую надстраивается вторичный ярус — «смысловая соотнесенность»: «Уменьшительно-ласкательные существительные обладают синтаксической общностью; они требуют эмоционального согласования (*тоненький голосок, голосочек, новенькая рубашечка, голубенькая тесемочка* и др.); определенная степень качества оттеняет определенную сторону обозначаемого, находящего свое закрепление в уменьшительно-ласкательном имени. Модификация предметно-качественной определенности обозначаемого идет по линии синтаксической общности определяющего и определяемого: *тонкий лед, тоненький ледок, красный флаг, красенький флажок*. Смысловая соотнесенность форм прилагательного выступает как отраженное проявление формообразовательной определенности уменьшительно-ласкательного существительного» [7].

В настоящее время в ряде исследований подчеркивается субъективность данного языкового явления, что также свидетельствует о его аксиологической природе (будь то оценка количественная, как в работе С.В.Александрович, или оценка любого иного типа) и антропоцентричном характере: «видимость градации — явление субъективное. Это подтверждается многочисленными примерами из художественных текстов, как *громдная бутылка, колоссальная голова, исполинский самовар*, а с другой стороны — *крохотная, малюсенькая хатка*. Например: *Челяк озабоченно искал в сенах и вернулся оттуда с громадной ведерной бутылкой настойки темно-вишневого цвета, из которой наполнял маленький графинчик, и опять уносил колоссальную бутылку куда-то в чулан; Катя подошла к малюсенькой хатке и прильнула к закрытому ставней окну*. Какой бы ни была малюсенькой, крохотной хатка, она все же по своим объективным размерам превышает исполинский самовар и колоссальную бутылку. Мерительное значение всех этих прилагательных носит субъективный характер... У качественных прилагательных 1) *хороший, удивительный, поразительный, изумительный*, 2) *хороший, замечательный, превосходный, восхитительный, великолепный, идеальный*, 3) *плохой, страшный, ужасный, жуткий, чудовищный* со значением эмоциональной оценки мерительные градо-семные различия носят всегда субъективный характер: кому-то *превосходный* покажется по своей градуальности выше *удивительного*, кому-то наоборот; кому-то *ужасный* покажется выше *чудовищного* по своей мерительной градуальности, а кому-то *чудовищный* покажется более крепким определением. Объективные же их смысловые различия связаны не с мерой проявления признака, а с характером выражения эмоциональной оценки через сопоставление и сравнение» [8].

Интенсификация оценки, являющаяся закономерным следствием эмотивного согласования, отмечена также в статье С.С.Плямоватой: «При взаимодействии оценочного существительного с квалифицирующим его согласованным определением возможны такие частные случаи:

1) и определяемое, и определение выражены уменьшительно-оценочными производными, т.е. эмоционально согласованы между собой (*узенький дворик*);

2) уменьшительно-оценочное производное служит лишь определяемым, определением же является слово, оценочное по своему значению, но не имеющее оценочного суффикса;

3) уменьшительно-оценочное производное служит только определением, а определяемым является слово без оценочного суффикса. В первом из этих трех частных случаев эмоционального согласования создается более яркая экспрессия словосочетания, сгущение того эмоционального оттенка, который заключает в себе оценочное существительное (особенно если эти оттенки в определяемом и определении одинаковы) [9; 33]. Необходимо отметить своего рода терминологическое упорядочение, проведенное в данной работе; вполне логично согласование форм субъективной оценки обозначить как эмотивное, а не экспрессивное: экспрессивным, по нашему мнению, будет эффект, являющийся следствием данного явления. Хотя в цитируемой работе формально-грамматический аспект также квалифицируется как основа эмотивного согласования, здесь намечена тенденция расширения самого понятия: «Существительное рассматриваемого класса как член предложения может вступать в эмоциональное взаимодействие с синтаксически связанными с ним словами: а) с квалифицирующим согласованным определением; б) с зависимыми предложно-падежными формами; в) с однородными членами. В пределах синтаксического целого указанное существительное может распространять оттенки своей эмоциональной выразительности и на слова, с ним не связанные» [9; 33]. Последнее замечание особенно важно, так как при подобном рассмотрении возможно сопряжение эмотивного согласования и выполняемой оценочными средствами функции формирования целостности текста не только в аспекте формально-грамматическом, но в особенности — в плане эмотивном.

Данную точку зрения развивает В.И.Шаховский, утверждая, что «на уровне предложений и текста имеет место эмоционально-экспрессивное согласование, что, видимо, позволяет говорить о нем как об одной из закономерностей эмотивной прагматики» [10]. В более поздней работе В.И.Шаховский указывает также на возможность «нагнетания» эмотивов, а также связывает этот фактор с экстраполяцией эмотивной оценки ситуации на личную сферу субъекта оценки [11]. «Будучи облигаторным свойством человека — носителя языка, эмоциональность рассматривается как важное качество процесса речевой деятельности и коммуникации, регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний» [12; 41].

В связи с тем, что в современной русистике данный вид согласования вызывает интерес с точки зрения его эмотивного характера и оценочного потенциала, возникает закономерный вопрос о его представленности в диахронии языка, т.е. о том, всегда ли оно существовало в языке, и если имело место, то какие формы оно приобретало в речевой практике на предшествующих этапах развития русского литературного языка. Этот фактор определил возможность рассмотрения эмотивного согласования в диахроническом аспекте с целью выявления варьирования его оценочного потенциала на разных хронологических отрезках. Отметим также, что анализ случаев эмотивного согласования — это низший уровень исследования, связанного с вопросами развития языкового кода, языковыми приращениями, появляющимися за счет реализации эмотивного потенциала языковых единиц в разных условиях общения. Значимость изучения данного явления, которое может служить своеобразным переходом от локализованных сегментов, к которым можно отнести слова с оценочной семантикой, обусловлена еще и тем, что такой подход дает основания для рассмотрения эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста [12].

Необходимо акцентировать внимание и на сложной оценочной природе эмотивного согласования: во-первых, на способности отразить ту или иную оценку, во-вторых, на возможности генерирования вторичной оценки, своеобразной «надстройки» (В.И.Шаховский и В.В.Жура отмечают, в частности, что «эмотия является не только результатом определенного вида оценки, но и сама может служить основанием оценки») [11; 40], и, в-третьих, на интенсивности оценки, выражаемой при помощи эмотивного согласования. Историчность этой особенности в системе категории оценки проявляется в том, что как в XVII в., так и позже мы находим достаточно фактов, подтверждающих ее. Скорее всего она связана с двойственностью эмотивного согласования, которая отражается также в том, что даже формализованные диминутивные образования амбивалентны по своей природе, т.е. они способны выражать, наряду с мелиоративным значением ласкательности, значения уничижения, пренебрежения, а также сложную, диалектически сочетающую в себе позитивное и негативное начала, интенцию самоуничижения, самоумаления. Сравним фрагменты, извлеченные из текстов, относящихся к XVII–XIX вв.: *Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут, дурачки!* (Житие протопопа Аввакума). *Приежжайте ко мне, дорогой соседушко, ей-богу. Откроем вместе что-нибудь, литературой займемся и вы меня*

поганенького вычислениям различным поучите; Извините и простите меня *старого старикашку и нелепую душу человеческую...* (А.П.Чехов. «Письмо к ученому соседу»). Привели меня к нему *смирненького, седенького, ничтожненького* и посадили за стол (А.П.Чехов. «Торжество победителя»).

Эмотивное согласование в качестве аксиологических ориентаций в системе СВО продолжает свое эволюционное развитие на различных этапах истории русского языка. Мотивирующим фактором этой эволюции выступает присущая человеку как носителю языка познавательная деятельность, а «...процессы вербализации эмоций высвечивают важные моменты устройства и механизмы функционирования человеческого мышления» [12]. В качестве одной из структур, где достигнута вербализация эмоций, которая в то же время отражает формально-грамматическую специфику репрезентации оценочного и эмотивного факторов в высказывании и тексте, может рассматриваться эмотивное (эмоциональное, оценочное) согласование, представленное на различных синтаксических уровнях: от отдельно взятого слова до синтаксического целого и текста. Именно «положения эмотиологов об эмоциональном содержании концепта и эмоциональной природе внутренней формы знака, являющиеся сегодня базовыми в теоретической лингвистике, дали толчок для использования эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста» [12]. Проследить реализацию этих положений в диахроническом аспекте позволяет, в частности, обращение к структурам, которые в той или иной степени связаны с эмотивным согласованием: во-первых, налицо реализация авторских аксиологических интенций; во-вторых, на наш взгляд, в контекстах подобного рода органично сочетаются характеристики языковой личности и целостного языкового коллектива как в плане продуцирования аксиологически ориентированных высказываний, так и в плане их декодирования в процессе восприятия. «Изучение эмотивности языка в динамике (языковой эмотивный код — развитие языкового кода — эмотивные приращения — эмотивный потенциал языка) позволяет акцентировать внимание на новых возможностях реализации его скрытых ресурсов, выявить перспективы развития языковых моделей... Положение эмотиологов об эмоциональном содержании концепта и эмоциональной природе внутренней формы знака, являющиеся сегодня базовыми в теоретической лингвистике, дали толчок для использования эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста» [13; 60]. Следует указать и на то, что в онтогенезе языковая личность усваивает не только нормы и правила употребления языковых единиц, но и оценочную систему в целом, так как «в конечном счете моя субъективность — не более чем всеобщность стереотипов» [14], что, безусловно, справедливо по отношению к оценочности в языке, поскольку основанием аксиологически ориентированного отношения к действительности служит общая для социума оценочная шкала.

Выше уже затрагивался вопрос о том, что эмотивное согласование может коррелироваться с нормой (в частности, с превышением нормы в количественном отношении): *Пошла я в кухню сказать Прасковье, чтобы она поставила самовар, гляжу — а у ней на столе хорошенькие молоденькие речочки и морковочки, точно икрушечки. Я съела одну морковочку, ну, и репку* (А.П.Чехов. «Страдальцы»). По нашему мнению, здесь налицо трансформация эмоционально согласованного отрезка в прагматически связанное оценочное утверждение, где количественное превышение нормы создает предпосылки для иронического восприятия субъекта речи.

Как частный случай эмотивного согласования и, следовательно, как один из значимых способов представления оценки в речевом потоке можно рассматривать семантическую разноплановость лексических единиц. Широк диапазон функций, связанных с этими явлениями: от реализации авторских интенций в эмотивной сфере и выражения широкого спектра оценок до функции индикатора функционально-стилистической принадлежности текста и своеобразного сигнала, подготавливающего верное декодирование текстового фрагмента или целого текста реципиентом.

Исследование эмотивного согласования в аспектах диахроническом и аксиологическом одновременно позволяет взглянуть по-новому на проблемы «динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей, на вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения» [15]. Так, именно эмотивное согласование в литературном языке XVIII века предстает в качестве имманентной характеристики текста, актуализирующей его оценочный потенциал. Возможность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражения иной, удаленной во времени концептосферы русской национальной культуры связана с корректным восприятием существующего в исторически конкретный момент на

диахронической оси оценочного кода, органичной частью которого выступает эмотивное согласование как один из способов выражения оценки (СВО) на текстовом уровне.

Эволюция эмотивного согласования в процессе поступательного развития системы СВО идет в XIX в. по линии расширения контекста, формируемого лексическими единицами с единым знаком оценки, и по линии усложнения функций данного явления. Во многих исследованиях 90-х годов утверждается, что «язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [13; 59]. Данные положения полностью соотносятся с эмотивным согласованием как одним из ведущих оценочных средств в русском литературном языке XIX в., когда развитие данного лингвистического явления вывело его на новый уровень актуализации, выразившийся и в единстве оценочного знака, и в спаянности эмотивного и рационального, подчеркивая дальнейшее усложнение и развитие категории оценки во времени.

Во всех случаях, приведенных здесь, согласование по оценочному знаку является средством формирования экспрессивного потенциала текста. Очевидно также, что имеет место трансформация эмотивно согласованного фрагмента в прагматически связанное оценочное утверждение. Эмотивное согласование показательно также тем, что в литературном языке XIX в., как в языке стилистически нормированном, оно служит также показателем не только аксиологического, но и функционально-стилистического единства.

Приведенный материал позволяет говорить о продуктивности более широкого подхода к такому экспрессивному явлению, каким является эмотивное согласование. По нашему мнению, следует развивать заложенное в лингвистической традиции представление о том, что оценочные смыслы оказывают воздействие на грамматические явления, и согласование как явление синтаксиса может быть производным, вторичным явлением по отношению к согласованию оценочной семантики лексических единиц. Эмотивное согласование, в отличие от формально-грамматического, может реализовываться не только на уровне словосочетания, но и на более локальном, в пределах слова, и на более масштабном, в рамках целостного высказывания либо текстового фрагмента. В последнем случае оно может рассматриваться и как фактор, формирующий целостность текста на уровне грамматических показателей, и как явление, детерминирующее общую прагматическую направленность текста или высказывания.

Список литературы

- 1 *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. — Т. 3. — М.: Просвещение, 1968. — С. 92.
- 2 *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. — Т. I. — Ч. 2. — СПб.: Тип. Императ. СПб. воспитательного дома, 1830. — 579 с.
- 3 *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения (к истории поэтического стиля) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1903. — № 7. — С. 34–66, 317–335.
- 4 *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. — С. 453.
- 5 *Карабань И.А.* Эмоционально-оценочные прилагательные с суффиксом *-еньк-* (*-оньк-*) (на материале белорусского и русского языков) // Труды по языкознанию БГУ им. В.И.Ленина. — Вып. 1. — № 45. — Минск, 1958. — С. 202–226.
- 6 *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1986. — С. 203.
- 7 *Кожин А.Н.* Уменьшительно-ласкательные имена существительные // Уч. записки МОПИ им. Н.К.Крупской // Русский язык. — Т. 228. — Вып. 15. — М., 1969. — С. 10.
- 8 *Александрович Л.В.* Сопоставительно-сравнительные отношения языковых единиц в синонимических микрополях лексической системы русского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. — С. 20.
- 9 *Плямоватая С.С.* Взаимодействие с контекстом и экспрессивная роль уменьшительно-оценочных имен существительных // Филологические науки. — 1961. — № 1.
- 10 *Шаховский В.И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 102.
- 11 *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38–51.
- 12 *Шаховский В.И.* Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы [ЭР]. Режим доступа: http://tverlingua.bv.ru/archive/010/2_10.htm.
- 13 *Шаховский В.И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. — 2002. — № 4.
- 14 *Барт Р.* S/Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения / Пер. Г.Косикова и В.П.Мурат. Общая редакция, вступ. ст. Г.К.Косикова. — 2-е изд. испр. — М.: Ad Marginem, 1994. — С. 37.
- 15 *Кутина Л.Л.* Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука, 1984. — 141 с.

Л.Ю.Мирзоева

Эмотивтік қыысу көпдеңгейлі бағалауыштық жүйенің көрсеткіші ретінде

Мақалада грамматикалық байланысқа қарағанда, бағалауыштық таңбаның бірлігіне негізделген эмотивтік байланыстағы тілдік бағалаудың мәселелері көтерілді. Сонымен қатар эмотивтік байланыс тек қана анықтауыш пен анықталып отырған сөздің байланысуының қарапайым (классикалық) жағдайын ғана емес, форма бірлігі, мағына бірлігі ретіндегі микромәтін немесе бүтін бір мәтін деңгейіндегі бағалауыштық таңбаның бірлігін қамти алатынын ескеру маңызды. Эмотивтік байланыстың дамуы да осы контекстегі рөлінің кенеюімен, атқаратын қызметінің артуымен тікелей байланысты болып отыр.

L. Yu. Mirzoeva

Emotional coordination as an indicator of multiple-level system of the evaluation system

The article is devoted to one of the most complicated phenomena in the sphere of linguistic evaluation, such as emotional coordination. In comparison with grammatical coordination, related to the interdependence of the subject (object) and the attribute, the emotional coordination is based on the similarity of positive or negative evaluative meaning. Different approaches to emotional coordination are also considered here including contemporary theories and previous researches made by Russian scholars in XIX century. The main idea is that the emotional coordination should be treated as one of the most important pragmatic factors forming the emotional orientation of the whole text.

УДК 81.23

Н.В.Дмитрюк

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент (E-mail: nvdmitr@yandex.ru)

Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования

В статье определена новая объектная область исследования современной казахстанской этнопсихоллингвистики — изучение языкового сознания титульного этноса Казахстана; рассмотрены вопросы методологии выявления ментально маркированной концептосферы его культуры; обоснованы валидность и перспективность таких исследований с применением ассоциативных методов.

Ключевые слова: маркированный концепт, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

Язык не только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных. Да, язык есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле.

И.А.Гончаров

Национально-специфическая концептосфера духовных и ментальных ценностей составляет стержень любой культуры, на котором строится и держится этническая идентичность и отдельно взятого народа, и его конкретного представителя, что особенно отчетливо проявляется в сопоставительном аспекте в условиях глобализации и интеграции полиэтнических государств, каким является современный суверенный Казахстан.